

И. А. Подюков (Пермь)

О значении коми-пермяцкого языка и духовной культуры в современной этнокультурной ситуации в Прикамье

Этнокультурный ландшафт пермского Прикамья крайне своеобразен. Прикамье – зона лингвистического разнообразия, концентрации генетически и типологически разноструктурных языков, регион, где каждый из этих языков до сих пор обладает развитой диалектной системой (а именно диалекты составляют мощный коммуникативный ресурс национального языка). Специфика Прикамья еще и в том, что это зона национально-русского двуязычия; исследования Е. В. Ерофеевой и Т. И. Ерофеевой на фонетическом и лексическом уровнях речи Прикамья показали, что для региона характерна и особая локально окрашенная форма русского литературного языка. Татарско-русский и коми-пермяцко-русский билингвизм, обилие заимствований из тюркских и финноугорских языков в русских говорах Прикамья – еще одна характеристика, так или иначе воздействующая на языковое сознание жителей края.

Длительное историческое взаимодействие народов, ранние и более поздние миграции групп тех или иных народов представлены в хорошо изученной пермской топонимике и антропонимике. Иноязычное воздействие на русский язык в Прикамье выражено не только в хорошо изученных

особенностях пермской топонимической и антропонимической системах, которые формировались в условиях соприкосновения, взаимопроникновения и сосуществования родственных и неродственных этнических потоков. Обращает на себя разнообразие заимствований и в русской диалектной лексике Прикамья.

В Прикамье русская речь осваивала элементы других языков достаточно избирательно. Особенно активно русские говоры вобрали в себя коми-пермяцкую географическую лексику (названия особенностей рельефа), слова, называющие особенности климата, растительного и животного мира Прикамья. Это слова типа *норос* о месте на реке, образуемом крутым ее поворотом (из *нõрыс* холм, возвышенность между двумя оврагами, бугор, грива), названия особенностей почвы типа *нятя* (грязная дорога - из *нятя* грязный), *няша* (жидкая грязь - из *няша* грязь, тина, ил, ср. также сиб. *няша* илистое дно озера, арханг. *няша* илистый берег во время отлива, *тоб.* жидкая грязь, ил; плесень на стоячей воде, мокрое сено). Слово *зачаромило* ('покрылось настом'), производное от *чарым* 'легкий наст или обледенелая кора на снегу', которое сближается далее с саам. *čarva* "твердый, смерзшийся снег", ненец. *sira, sire* 'снег', фиксирует особенности местного климата. Классические примеры субстратной диалектной географической лексики в говорах Прикамья – слово *шутём* (перм. киров. – поляна перед лесом, покинутая из-под пашни земля, пустошь), слово *согра* 'низменное влажное место реки, поросшее кустарником' (в коми 'заболоченный лес'). От коми-пермяков усвоены русскими названия птиц и животных: *балька* овца, *зелька* из *дзая* ягненок (в коми также козленок), *типка* цыпленок, *тупка* сова, *филин*, *кычан* щенок (далее - пес, кобель, ср. также арханг. *кичко* собака), названия растений (*ижман* жимолость из *ыжман*, *козоль* весенние побеги на ели, *туган* весенний побег молодой сосны, *умра* дягиль, дудник - из *омра*). Отдельные заимствования отмечены также в сфере хозяйствования (*шором* скирда хлеба, то же в коми 'скирда, копна хлеба').

В некоторых тематических группах удельный вес коми-пермизмов особенно высок. В частности, разнообразны в русских говорах Прикамья «детские» слова коми-пермяцкого происхождения (что может быть объяснено тем, что в прошлом в смешанных браках в Прикамье нередко матери были коми-пермячками). Это слова типа *кага* (из коми *кага* 'новорожденный'); *леля*, *лелька* ('молоко'), *номыренок* (о маленьком). С определенностью можно говорить о чрезвычайно активном заимствовании русскими говорами Прикамья экспрессивных глаголов звукоизобразительного характера типа *базгать* ударять (ср. *бáзгисьны*), *бобгать* бормотать (ср. *бобгыны*), *боргать* бурлить (ср. *боргыны* с шумом течь), *бузгать* ударять (ср. *бузгыны* издавать плеск), *бурскать* хрустеть (ср. *бурс* о хрусте), *бучкать* бить (ср. *бучкыны* сильно ударить), *быргать* бормотать (ср. *быргыны*), *гырскать* производить трением резкий скрип (ср. *гырскыны*), *таргать* кудахтать (ср. *таргыны*), *трангать* звенеть (ср. *трангыны*), *тюргать* свистеть (ср. *тюргыны*), *чурснуть* отпить с шумом (ср.

чурскыны) *звижжась/звижжеть* издавать скрип (ср. *звижжитны* свистеть, выть). В этих и других словах (*каньгать* хныкать, *лявгать* болтать, говорить не по делу, *швычкать* бить, *чивгать* щебетать, *рашкать* медленно ходить) сама просодика слова, экзотичность звучания при отсутствии прозрачной внутренней формы порождает особую экспрессивность. В ряде случаев такого рода заимствования получают особое осмысление. Слово *боргать* получает значение 'разговаривать, болтать', а также 'говорить что-л. недовольным тоном, ворчать'. Образование закрепилось в русских говорах в связи с типичностью русской аналогии говорения и течения реки (ср. в языке-источнике *боргыны* с шумом течь; журча бежать). Еще один пласт финноугорских заимствований – диалектные названия демонологических персонажей. Из коми языка заимствуется название *вакуль* (то же что *ваись* водяной – в составе фразеологизма, оценивающего некрасивого, *страшной* *бакуль*). По мнению И. Г. Добродомова, в выражениях *кузькина мать* и *к едрене фене* могли быть использованы слова *феня* (одно из определений нечистой силы, ср. венгерское *fene* 'черт'), *кузь* черт (в коми языке 'леший', ср. удмуртское *кузё*, мансийское *кусай*, хантыйское *кизá* 'хозяин').

Тюркские заимствования в русских говорах отмечены прежде всего как лексика торговли, одежды, лексика, обозначающая жилье и постройки, лексика, связанная с животным и растительным миром (названия породы или масти лошадей), с названиями бытовых предметов, особенно посуды, пищи. Немало в говорах тюркских слов, связанных с земледелием. Говорами были заимствованы слова *сабан* – соха, *кабан* – кладка снопов или сена, соломы, стог, *бухара* плохой, малопродуктивный участок пашни, *токмарь* палка для битья русской печи, *казан* большой котёл, *кумган* кувшин, *кутыш* посуда для кваса. Растительный и животный мир представлен словами-тюркизмами *бушма* брюква, *саранка* дикий чеснок, *урман* смешанный лес; *лоша* лошадь (ср. тат. *алаша* мерин), *курташ* (в составе выражения *курташик гнездо свил на голове* о волосах в беспорядке – от тюрк. *курташ* «тетерев»), *абакша* рыба (а также 'маленький ребенок').

Пища другого народа в силу консервативности традиций воспринимается в основном негативно. Наглядно это отражено в осмыслении слова *буза* – напиток из гречихи и овсяной муки, вид крепкой браги. Постепенно слово переосмыслиется (по аналогии с пьяным весельем) для оценки шума и скандала – в словах *бузня* (скандал), *бузовать* (скандалить, драться; ср. также *бузовать* 'с шумом, жадно, небрежно есть, кушать'). Слово *бутормага* становится характеристикой недоброкачественной жидкой пищи или напитка; слово *кавардас* (вероятно, из тур. *kavurdak* "жаркое") становится названием лепешки из смеси продуктов или характеристикой неудавшегося кушанья. Слово *кумышка* (самогон, брага) родственно тюркскому названию перебродившего кобыльего молока, словом *кулага* называют кушанье из ржаной муки и солода, *солма* – лапшу из кислого теста, *табань* – лепешку из кислого теста, испеченную на сковороде или на поду (в тюркских языках первоначальное значение – ' подошва'). Стоит заметить, что

финноугорских названий пищи в говорах не так много, и в основном они восприняты в исходном для языка-источника значении. Кроме знаменитых *пельменей*, это слова *шаньга*, название крупной ячневой крупы *тюсь*, жидкого кваса *шорва*, кислых щей *шомша*, творожной лепешки *тупоська* (из *тупысь* хлеб, пирог; ср. фиксируемое В. Далем вологодское значение *тупысь* 'ситный хлебец').

Тематическая группа «одежда» представлена в говорах также прежде всего тюркскими словами. Наряду со словами *башимак*, *кофта*, *шаровары*, *халат*, *епанча*, *кушак*, *тулуп*, в свое время русскими были восприняты слова *азям* — мужская верхняя одежда с длинными рукавами; длиннополый кафтан, *барлатка* мужская шуба, *бешметь* вид верхней мужской одежды из домотканой шерсти свободного покроя, *харпаль* верхняя мужская одежда, *чапан* верхняя одежда из сукна, *шушпан* верхняя женская холщовая одежда широкого покроя типа сарафана или халата. Много воспринято восточных названий тканей: *адрия* — шерстяная ткань в рубчик, *бахта* толстая, хлопчатобумажная ткань с узорами (из тюркск. *бахта* "хлопок"), *бурметь* льняная ткань высокого качества. Сравнительно немного в говорах коми названий одежды — *лузан*, *кепись* (меховая рукавица), *дубас* (сарафан, а также рабочее платье без рукавов из толстого холста), возможно, слово *комич* домотканый пояс.

Открытость русских говоров Прикамья равно и к тюркским, и к финноугорским языкам наглядно иллюстрирует дублетная номинация народного праздника Заговень. Как название, в ряде территорий используется в Прикамье слово *Токмач* (Оханский уезд)¹. Возможно, слово связано с татарским *токмач* 'куриная лапша' (именно это блюдо использовалось в татарских обрядах вызывания дождя, а время праздника у русских теснейшим образом связано с проведением ритуалов, направленных на повышение плодородия земли). В других местах этот же праздник известен как *Чупрай* (с. Ильинское). По мнению ученых, название связано с именем одного из коми-пермяцких родов *Чупри*; О. Л. Кутьев показал, что этот русский праздник проводился на месте древнего коми-пермяцкого святилища². Как отмечает Т. А. Бернштам, название урочища «Чупрово» (Пинежский район Архангельской области) также связано с коми антропонимом³, и оба эти факта следует рассматривать как иллюстрацию того, что характерной чертой этнокультурной истории Русского Севера и Прикамья была сакральная преемственность природно-культурных

¹ Сюев П. В. Народное празднество «Токмач» в Дубровской волости Оханского уезда // Пермский край. Т.3. — М., 1895.

² Кутьев О. Л. Традиционный праздничный календарь русского населения пермских вотчин Строгановых XIX — XX вв. // Традиционная народная культура населения Урала. — Пермь, 1997. — С. 26.

³ Бернштам Т. А. Урочище «Чупрово» (природно-культурный памятник в Пинежском районе) // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. — СПб., 1992. — С. 178-190.

святилищ. Для обозначения этого праздника применялись и собственно русские названия - *Ржавчинка*, *Соловая Кобылка*, однако как средство сакрализации были использованы средства другого языка, заимствования, связанные с коми антропонимом, и с тюркизмом, обозначающим ритуальную пищу.

Таким образом, взаимодействие русских говоров с тюркскими и финноугорскими языками прослеживается по номинациям самых разных сфер материальной и духовной культуры. Разнообразие заимствованного материала в русских говорах Прикамья позволяет поставить как самостоятельный вопрос об историко-этимологическом изучении заимствованной диалектной лексики. Механизмы заимствования, вероятно, отличались - татары в основном не владели русским языком, тогда как коми-пермяки знали его хорошо. Диалектологам-русистам совместно с финноугроведами и тюркологами предстоит значительная работа по выяснению причин заимствований и способов заполнения культурно-языковых лакун, по описанию характера формальных и семантических изменений, сопровождающих процесс заимствования. Столь явную лингвокультурную специфику Прикамья, несомненно, должны учитывать и разрабатываемые методики обучения языкам. Говоря о вкладе финноугорской и тюркской традиций в русскую речь Прикамья, необходимо иметь в виду устойчивый многовековой полилог национальных традиций в рамках культурного пространства Прикамья.